

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВИЗУАЛИЗАЦИИ СЕМЬИ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

М. А. Абрамова

Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск, Россия
marika24@yandex.ru

Анализ взаимосвязи характеристик семьи, восприятия ее индивидом и сформированных на этой основе ценностных установок, определяющих стратегии поведения, требует разработки междисциплинарной методологии и использования методик, позволяющих выявить невербализированную информацию. Поставлена цель выявления эвристического потенциала использования экспрессивного рисунка, обусловившая решение задач по методологическому обоснованию проведения междисциплинарного исследования с использованием комплекса социально-психологических методик, в том числе проективных, на основе применения принципа дополнительности и социокультурного подхода (П. Сорокин). В эмпирической части выполнен вторичный анализ данных социокультурного исследования, проведенного в Республике Саха (Якутия). Выборка составила 1 459 человек в возрасте от 18–25 лет, учащейся молодежи. Методы исследования: графическая репрезентация семьи (экспрессивное рисование), методика изучения ценностных ориентаций Ш. Шварца, индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик, социологический опросник. Среди выделенных параметров для группировок – количество детей в родительской семье респондента (многодетные семьи и семьи, где росли 1–2 ребенка), тип эмоциональной близости в семье.

В работе обоснована ценность применения проективного метода в рамках социокультурного исследования на примере визуализации семьи. Полученные результаты позволили выявить, что использование проективного рисования в социокультурном исследовании способствует формированию репрезентативной выборки, обеспечивающей возможность получения валидных данных при построении группировок. Сопоставление рисунков репрезентаций семьи, выполненных потомками многодетных семей и тех, где воспитывались 1–2 ребенка, не показал существенных отличий в восприятии молодежью образа семьи. Также не было выявлено корреляций между количеством детей в изображении и реальных семьях респондентов.

Семантический анализ наиболее часто используемых в диагностике компонентов изображения семьи позволил заключить, что в рисунках повзрослевших детей более информативными являются элементы, отражающие эмоциональный контакт в семье между ее членами, на основании которых выделено три группы: с близким, дальним и избирательным

типом эмоциональной связи. Из последней группы более детально рассмотрены респонденты, изобразившие семью с «родители-центричным» типом отношений. Сопоставление результатов их ответов на опросник по ценностным ориентациям Ш. Шварца позволило заключить, что они по типу ближе к современному воплощению патриархальной семьи.

Основным результатом исследования стало обоснование эвристического потенциала визуализации семьи при проведении социокультурных исследований, а также применения комплекса социологических и психологических методик, в том числе проективного метода, для выявления связи установок, ценностных ориентаций, поведенческих принципов с отношениями, выстроенными в родительской семье.

Ключевые слова: проективные методы, социокультурное исследование, методология междисциплинарного исследования, эпистемологический потенциал, репрезентации

HEURISTIC POTENTIAL OF FAMILY VISUALIZATION IN SOCIOCULTURAL RESEARCH

Maria A. Abramova

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
marika24@yandex.ru

The author focuses on the methodological problem of combining different approaches to study a phenomenon within the framework of sociocultural research, which involves a simultaneous consideration from the position of society and culture. The study is based on the works of N. Bohr, L. Frank, Yu. M. Lotman, L. S. Vygotsky, and others, and on the principle of complementarity. An expressive drawing representing one of the varieties of projective research methods is chosen as the main tool. The use of graphical representations on the topic allows, in the author's opinion, removing restrictions for the study of hidden unreflexed information or something the respondent is not ready to disclose under the pressure of cultural traditions. The demonstration of the heuristic potential of the proposed set of methods, including projective drawing, Schwartz's methodology for studying value-based orientations, Sobchik's individual typological questionnaire, and a sociological questionnaire, is based on the example of studying the family. This set of methods is one of the best examples of the multidimensionality and ambiguity of perception of the phenomenon from the perspective of a sociocultural approach. It can be used at different levels: social, collective, and individual. In the study, several objectives were set: to analyze the relationship between the characteristics of the family, its perception by the individual, and value-based attitudes formed on this basis that determine behavior strategies; to substantiate the value of employing the projective method in the framework of sociocultural research using the example of family visualization.

In the empirical part, a secondary analysis of the data of a sociocultural study conducted in the Republic of Sakha (Yakutia) was performed. The sample consisted of 1,459 people aged 18–25, young students. Among the selected parameters for groupings were the following: the number of children in the respondent's parent family (large families and families with 1–2 children); the type of emotional intimacy in the family. The results of the study revealed that the use of projective drawing in sociocultural research contributes to the formation of a representative sample, which provides the opportunity to obtain valid data when building groupings. A comparison of drawings of family representations made by descendants of large families and those where 1–2 children were raised did not show significant differences in the perception of the image of the family by young people. There was also no correlation between the number of children in the image and the real families of the respondents. The semantic analysis of the components of the family image most often used in diagnostics allowed concluding that, in the drawings of grown-up children, the elements reflecting the emotional contact in the family between its members are more informative, on the basis of which three groups with a close, distant, and selective type of emotional connection are distinguished. From the third group, respondents who depicted a family with a "parent-centered" type of relationship were considered in more detail. The comparison of the results of their responses to Schwartz's questionnaire on value-based orientations showed that they are closer in type to the modern incarnation of the patriarchal family. The main result of the study was the substantiation of the heuristic potential of family visualization in conducting sociocultural research, as well as the application of a set of sociological and psychological techniques, including the projective method, to identify the relationship between attitudes, value-based orientations, behavioral principles with relationships built in the parental family.

Keywords: projective methods, sociocultural research, methodology of interdisciplinary research, epistemological potential, representations

DOI 10.23951/2312-7899-2024-4-9-32

Введение

Изучение феномена в рамках социокультурного подхода [Сорокин 2000] предполагает одномоментное рассмотрение предмета исследования в разных ипостасях – с позиций социума, культуры и личности. В данном контексте идентифицировать доминирование влияния одного из них на формирование феномена и представления о нем затруднительно. Если структурно-морфологический подход позволяет представить культуру как производную социальной реальности (К. Гирц), явленную в коллективных, а не в индивидуальных знаках, то социокультурный подход обязывает учитывать при рассмотрении объекта исследования и процессы индивиду-

ального созревания, обусловленные получением опыта на социальном, культурном, межличностном, индивидуальном уровнях, и включение его в социальные и культурные контексты. Использование историко-культурного подхода в психологии Л. С. Выготским позволило ему обосновать недостаточность применения методологии лишь одного из научных направлений к изучению феноменов культуры и личности. Он писал, что разложение единого на элементы не позволяет получить адекватное представление о явлении: «...такого рода анализ, который приводит нас к продуктам, утратившим свойства, присущие целому... не является с точки зрения той проблемы, к решению которой он прилагается, анализом в собственном смысле этого слова» [Выготский 2024, 9]. Один из основателей проективного метода – Л. Франк – со ссылкой на Л. С. Выготского писал, что «объективный мир предметов, организмов и явлений подобным образом можно рассматривать как поля взаимодействия объективных ситуаций с действующими культурными паттернами поведения человеческих существ, которые именно по причине усвоенных паттернов создают культурные поля взаимодействия человеческого поведения» [Франк 2000, 72–73].

Одним из лучших примеров многомерности и многозначности восприятия феномена с позиции социокультурного подхода является семья, которую можно рассматривать на различных уровнях: социальном, коллективном и индивидуальном. При этом на каждом из них прослеживается взаимовлияние всех других уровней. Так, описание человеком семьи отражает не столько реальное пространство его формирования (родительскую семью, свою), сколько субъективное восприятие, обусловленное ценностной иерархией, представлением об идеальной семье, появившемся на пересечении различных уровней обобщения: индивидуальном, социальном и культурном. Таким образом, умозаключения личности о чем-либо становятся «идиоверсией» (Т. Шварц), определяющей впоследствии ее восприятие, отношение и поведение.

Анализ взаимосвязи характеристик семьи, восприятия ее индивидом и сформированных на этой основе ценностных установок, определяющих стратегии поведения, требует разработки междисциплинарной методологии и использования методик, позволяющих выявить невербализированную информацию. Так, Ю. М. Лотман отмечал необходимость учета связи между социальным и индивидуальным при изучении поведенческих моделей [Лотман 2000]. В последние годы появляются интересные разработки в области изучения ценностных ориентаций населения, семьи

на основе анализа больших данных [Забокрицкая и др. 2020; Калабихина и др. 2023; Ливенцова и др. 2024], в том числе и с использованием сведений из социальных сетей. Однако мы полагаем, что получаемые результаты еще только обрамляют поле появляющихся вопросов, в том числе определяют, насколько репрезентация человеком себя посредством социальных контактов соответствует ему в реальной жизни. Поэтому обращение к методам, позволяющим получить информацию от респондентов офлайн, в данном контексте все-таки предпочтительнее.

В рамках статьи поставлена цель выявления эвристического потенциала визуализации семьи в социокультурном исследовании.

Задачи исследования:

- 1) методологически обосновать возможности использования экспрессивного рисования на заданную тему («Семья») в социокультурном исследовании;
- 2) сопоставить эмпирические данные результатов визуализации респондентами семьи, заполнения ими психологических методик исследования и социологического опросника;
- 3) выявить эвристический потенциал применения визуализации семьи в социокультурном исследовании.

Методы и подходы. Методы исследования: теоретические (обобщение публикаций по развитию и применению проективных методов); эмпирические (социологический опросник; психологические методики: выявления индивидуально-типологических характеристик Л. Н. Собчик, изучения ценностных ориентаций Ш. Шварца; проективный – анализ продуктов деятельности субъекта); количественные и качественные методы анализа.

Методология. Для исследования семьи каждое из научных направлений предлагает свои методы, ориентированные на выполнение задач в рамках предметного поля дисциплины. Социокультурные исследования семьи, как, собственно, и других объектов, позволяющие выявить новые закономерности на пересечении научных направлений, требуют обоснования междисциплинарной методологии. Мы солидарны с позицией О. Т. Мельниковой и Е. М. Нестеровой о том, что при использовании только количественных или качественных методов возникают проблемы интерпретации. Но утверждение, что «в России внимание к смешанным методам исследования¹ возникло относительно недавно» [Мельни-

¹ В «Mixed methods research – это методология проведения исследования, которая предполагает объединение качественных и количественных подходов на уровнях сбора и анализа данных в одном исследовании» [Мельникова, Нестерова 2023, 109].

кова, Нестерова 2023, 109], мы поддержать не можем, поскольку в исследованиях по этнопсихологии и кросс-культурной психологии, в том числе российских ученых, применение дизайна смешанных методов осуществляется давно – как при использовании в рамках реализации *emic*- и *etic*-подходов, так и проективных методик. Мы, скорее, можем согласиться, что такой достаточно четкий анализ вариаций дизайна исследования с использованием смешанных методов, как сделано это у О. Т. Мельниковой и Е. М. Нестеровой, редко можно встретить.

Для обоснования междисциплинарной методологии отметим один из примиряющих различные научные направления принцип дополнительности, максимально учитывающий потенциал различных концептов и допускающий сосуществование логически несовместимых исследовательских стратегий, каждая из которых обладает особой значимостью [Бор 1971; Сандакова 2019; Абрамова, Лбова, Сандакова 2020, 74]. Данный принцип вполне осуществим в рамках применения постструктуралистской методологии, предполагающей, что для изучения объекта (например, семьи) необходимо обобщить не только наши представления, но и информацию, закодированную в различных системах знаний о нем (Ж. Дерида, Р. Барт, М. Фуко). Так, Ю. М. Лотман указывал на дополнительность индивидуальных и групповых культурных различий, определяющих творческий (недетерминированный) характер культурного бытия человека, а также разных взглядов-проекций на один и тот же объект в процессе коммуникационного взаимодействия [Лотман 1992, 44–45]. Л. Франк скептически воспринимал возможности применения стандартизированных методов исследования личности: «Любопытно представить, как ученые пытались разрешить проблему индивидуальности методами и процедурами, предназначенными для исследования единообразия и норм, игнорирующих или подчиняющих индивидуальность, обращаясь с ней как с причиняющей беспокойство девиацией, умаляя достоинства реальной, исключительной и единственно важной центральной тенденции, формы и т.д.» [Франк 2000, 76].

В рамках исследования мы обращаемся к возможности сочетания психологических, в том числе проективных, и социологических методов исследования семьи. Описывая ценность проективных методов, Л. Франк подчеркивал их значимость в выявлении внутренних противоречий личности, обуславливающих субъективность восприятия: «При исследовании личностного процесса внутренних миров индивидов мы сталкиваемся с некоторого рода специ-

фической проблемой, поскольку наша цель – не узнать культурные и социальные нормы единообразия органической активности, но, скорее, выявить особенный, индивидуальный способ организации опыта и чувств, который и подразумевает личность» [Франк 2000, 74].

Применение стандартизированных методик не позволяет учесть всего многообразия вариантов ответов. Опросные методы чаще всего задают некий шаблон, легко считываемый испытуемым. В силу тех или иных причин человек может дать ожидаемый ответ, социально приемлемый, но не тот, который в реальности раскроет его внутренние переживания, относительно предмета исследования. Как показывает наш опыт сбора эмпирической информации, существуют и этнические особенности заполнения бланков. Так, например, представители тюркских групп чаще ориентированы на поддержание коллективных ценностей и склонны солидаризироваться с мнением большинства. Среди славян часто встречаются респонденты, стремящиеся своими ответами эпатировать исследователя. При использовании шкальных оценок есть респонденты, склонные к позитивному восприятию действительности и использующие только верхние баллы, а есть те, кто, наоборот, ориентирован на занижение балльных оценок. Ш. Шварц при разработке методики по изучению ценностных ориентаций, учитывая данный факт, статистически вывел показатель погрешности, который необходимо учитывать при оценке коллективных ценностей.

Проективные методики нацелены на снятие инструментальных барьеров при получении информации. Они более свободны как в формате проведения, так и в выборе средств передачи информации от респондента к исследователю. Мы уже не раз в своих работах обращались к анализу рисунков [Абрамова 2016; Абрамова 2020], которые можно отнести к экспрессивному типу проективных методик, по классификации Л. Франка [Франк 2000]. В отношении использования проекции он писал, что, предоставляя пациенту поле с «относительно слабой структурой и культуральным моделированием, чтобы личность могла проецировать на это пластичное поле свое видение жизни, свои смыслы, ценности, паттерны и особенно свои чувства <...> мы получаем проекцию внутреннего мира личности человека» [Франк 2000, 78].

Ретроспективное освещение развития проективного метода и методик применения не входит в задачи нашей статьи, поэтому отметим только основные имена, отмечавшие его эвристический потенциал: З. Фрейд, К. Г. Юнг, Л. Франк, Ч. Ширн и К. Рассел, Дж. Дилео, Г. Роршах, Р. Бернс, С. Кауфман, К. Махвер, Х. Морган,

Г. Мюррей и др. Среди отечественных ученых – А.Р. Лурия, Г. Хоментаускас, А.Л. Венгер, А. А. Бодалев, Л. Ф. Бурлачук, Е. С. Романова и О. Ф. Потемкина и др.

Обобщая, можно отметить, что существующие на сегодняшний момент проблемы использования проективных методов обусловлены неоднозначностью интерпретации получаемого результата, который во многом зависит от культурного багажа как испытуемого, так и исследователя.

Второй, не менее значимый момент, влияющий на качество получаемых выводов, связан с процедурой исследования. Большая часть проективных методов не подходит для применения в больших группах, поскольку они нацелены на решение диагностической задачи в рамках психологического консультирования или отбора. Требование вербального сопровождения выполнения работы при применении проективных методик психологами обуславливает небольшое количество респондентов, результаты которых могли бы составить эмпирическую базу исследования. Соответственно, объем получаемой выборки незначителен для использования количественных методов оценки и проведения корреляционного анализа с целью обоснования выводов и описания характерных особенностей больших совокупностей (групп, типов личности и пр.).

При использовании экспрессивного рисования в рамках группового исследования не удастся получить более детальные вербальные пояснения о содержании рисунка и замысле «художника». Поэтому для минимизации погрешности при интерпретации рисунков и расширении возможностей типологизации на основе выделения различных характеристик респондентов в рамках социокультурных исследований мы прибегаем к объединению процедур, сопровождая социологический опросник психологическими тестами и экспрессивным рисованием на заданную тему. Такое сочетание позволяет, с одной стороны, увеличить совокупность респондентов и дает статистические возможности для группировок, но мы также осознаем, что и оно может иметь погрешности при сборе и интерпретации информации.

Дизайн исследования

Материалы статьи основаны на вторичном анализе данных, собранных для изучения факторов, обуславливающих социокультурную адаптацию молодежи в г. Якутске Республики Саха (Якутия) [Абрамова, Гончарова, Костюк 2011]. Для материалов данной ста-

ты были отобраны результаты 1 459 человек в возрасте от 18 до 25 лет. Из них 93,9% выросли в семьях, где воспитывались один или два ребенка, и 6,1% – в многодетных семьях. Инструментарий исследования включал социологическую анкету, социально-психологическую методику изучения ценностных ориентаций Ш. Шварца [Schwartz 1992; Schwartz, Sagiv 1995; Карандашев 2004], психологическую методику изучения индивидуально-типологических особенностей личности Л. Н. Собчик [Собчик 2003] и рисование на заданную тему («Семья»). Каждый респондент опрашивался по всем методикам. Всего было получено 1 313 рисунков семьи, из них 918 реалистических изображений и 395 символических рисунков.

Результаты

Существенных отличий изображений между потомками многодетных семей и семей, где росли 1–2 ребенка, нет. 84,3% потомков детей многодетных семей нарисовали семью с 1–2 детьми. Среди потомков многодетных таковых было 78,8%. Потенциально ожидается, что картина будущей семьи формируется под влиянием родительской, но, по всей вероятности, либо это не касается количества будущих детей (например, у детей из многодетных семей может не быть планов создания многодетной семьи), либо в рисунке отражается некий стереотипный образ, не связанный с большим количеством детей.

Утверждать, что изображение семьи молодежью является, скорее, воспроизведением стереотипов, мы тоже не можем, поскольку среди рисунков респондентов присутствуют изображения семьи с одним родителем. Данный образ отсутствует у потомков многодетных семей, но встречается в 22 случаях у потомков семей с 1–2 детьми. Конечно, учитывая общее количество работ, это незначительное проявление – всего 2,6% от общего числа, но заставляет задуматься. Возможно, в данном контексте мы получаем прекрасную иллюстрацию к пониманию бытия человека З. Фрейдом как бесконечного потока «погруженности в личные психические переживания и парадоксальные феномены отражения действительности» [Пилюшенко 2024, 133].

Все изображения семей были дифференцированы нами по типу эмоциональной связи: близкая (изображены вместе, держатся за руки, лица могут быть обращены друг к другу и т.д.), дальняя (изображены порознь, нет контакта между изображенными и пр.) и избирательная. В последнюю группу выделены рисунки, где изо-

бражалось доминирование эмоциональной связи между одним из родителей и ребенком (детьми) или между родителями на фоне существования эмоциональной дистанции с детьми («родители-центричные» отношения).

Выделение характеристик в рисунке, указывающих на наличие тесной эмоциональной связи между членами семьи, не показало существенных отличий потомков многодетных семей и тех, кто воспитывался один или с братом / сестрой (51,6 и 53,5% соответственно). Точно так же пропорционально соотносимы группы тех, кто изобразил эмоциональную холодность в семейных отношениях: 39,5% из многодетных и 38,7% из семей, где воспитывались 1–2 ребенка. Рисунков с доминированием более теплых отношений с мамой по типам семей – 2,2 и 1,3% соответственно. Интерес представляет отсутствие рисунков с доминированием более теплых отношений с папой в многодетных семьях; таковых у потомков из семей с 1–2 детьми 1,2%.

Можно также выделить чуть большее количество рисунков с подчеркнутой взаимосвязью родителей («родители-центричный» тип) в многодетных семьях (7,5%) по сравнению с семьями, где воспитывались 1–2 ребенка (4,6%).

В последующем из группы с избирательным типом эмоциональных отношений в семье мы будем рассматривать только группу рисунков «родители-центричного» типа ввиду малочисленности остальных подгрупп.

Таким образом, анализ распределения по изображению типа эмоциональных отношений в семье позволяет сделать вывод, что выстраивание эмоционально теплого взаимодействия не всегда зависит от количества детей в семье. Возможно, данный вывод покажется предсказуемым. Но в то же время существуют некие клише об одиночестве, ощущаемом ребенком в малодетной семье, или, наоборот, о тесных взаимосвязях членов многодетной. В нашем исследовании мы анализируем продукты визуализации семьи уже выросших детей и потому получаем оценку близости эмоциональных отношений, обусловленную их восприятием. И, как видим, данные клише не оправдывают своего существования.

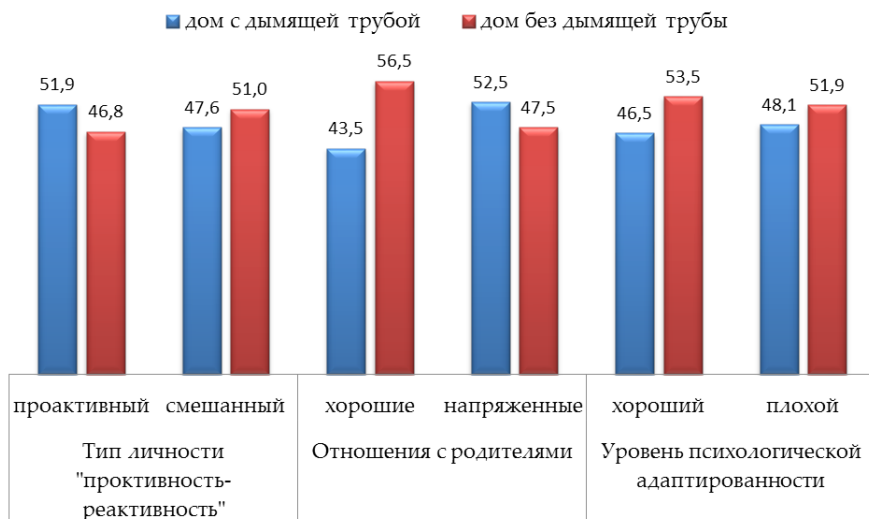
Полученный вывод был проверен и по другому признаку, который обычно фиксируют для выявления у респондентов потребности в душевном тепле, – это наличие в рисунке дома дымящейся трубы. Концептуально интерпретации данного элемента изображения отличаются. Так, Е. С. Романова и О. Ф. Потемкина пишут о том, что изображение густого дыма может указывать на значитель-

ное внутреннее напряжение, а тоненькая струйка свидетельствует о недостатке эмоциональной теплоты дома [Романова, Потемкина 1991, 168]. При этом мы встречаем в этой же методичке в качестве дополнительного признака «дым», когда подсчитываются баллы о присущих респонденту идеализации, консерватизме по опроснику Р. Кэттелла [Романова, Потемкина 1991, 222–223]. И. А. Агеева со ссылкой на Е. С. Романову и Энциклопедию психологических тестов [Энциклопедия 1997, 43–54] уже пишет о том, что «тонкая струйка дыма, поднимающаяся над трубой, встречается довольно часто, однако в тех случаях, когда изображается большое количество густого дыма, это может указывать на значительное внутреннее напряжение и потребность освободиться от излишнего давления (как бы выпустить пар)» [Графические тесты 2007, 67]. Еще более широкий спектр интерпретаций имеет образ самой трубы. Наиболее интересны для нас интерпретации отсутствия трубы у Е. С. Романовой и О. Ф. Потемкиной («...субъект чувствует нехватку психологической теплоты дома» [Романова, Потемкина 1991, 168–169]) и трансформации ее в Хрестоматии И.А. Агеевой («Отсутствие трубы указывает на ощущение дистанцированности или леденящее чувство в отношении родительского дома, на недостаток психологического тепла, а также, возможно, на конфликт, связанный с представителем мужского пола...» [Графические тесты 2007, 66]). Вариантов трансформаций первичного описания трубы и дыма, которые встречаются на различных сайтах психологов, еще больше. Поэтому наша задача заключалась в проверке наличия связи между изображениями семьи, где был нарисован дом, с типами выделенных эмоциональных отношений.

Необходимо отметить, что образ дома встретился в четверти всех рисунков респондентов, но соединить для сопоставления два признака – изображение типа эмоциональной связи и дома – получилось лишь в 85 работах. В результате оказалось, что в рисунках тех, кто показал эмоциональную близость в семье, чаще появляется образ дома с дымящейся трубой – 69% (у 55,8% дом без дымящейся трубы), а у тех, скорее, демонстрирует эмоциональную холодность в отношениях, дом изображен просто с трубой в 44,2% (31% – с дымящейся трубой).

Поскольку выборочная совокупность рисунков, позволивших оценить взаимосвязь между типом эмоциональной связи и изображениями домов, небольшая, то данный факт требует дополнительной проверки. Для этого были сопоставлены изображения семей с ответами респондентов о качестве их отношений с родителями

(N = 231). На вопрос, как они оценивают отношения, в опроснике было дано несколько вариантов ответов: «1) хорошие; 2) иногда бывают напряженные ситуации; 3) напряженные ситуации возникают довольно часто; 4) другое». Кроме этого, изображение дома с разным типом трубы было сопоставлено с оценкой психологической адаптированности (N = 231) и типом личности «проактивность–реактивность» (N = 217) (ил. 1).

Ил. 1. Сопоставление рисунков с разным типом изображения трубы на домах по группам характеристик респондентов, %

Анализ изображений свидетельствует, что рисунок дома с дымящей трубой чаще появляется у проактивного типа, а дом с трубой без дыма – у смешанного, недостаточно самостоятельного и более склонного к сомнениям [Абрамова, Гончарова, Костюк 2014]. Но при этом к позитивной оценке отношений с родителями более склонны те, кто тоже не рисует дым над трубой, хотя именно этот признак часто интерпретируют как изображение скрытой потребности в душевной теплоте. В некоторое противоречие со стереотипом интерпретации в диагностической процедуре восприятия образа дыма вступает и факт большой доли хорошо адаптированных среди тех, кто его не нарисовал. Учитывая, что возрастная специфика создания рисунка может отличаться, поскольку дети склонны к описательному рисованию, можно, во-первых, предположить, что не для всех молодых людей такой тип рисования является свойственным, а во-вторых, смысловое наполнение изображений в силу

разного зрительного опыта может отличаться. Именно последнее, с одной стороны, дает разнообразие рисунков, а с другой – использование одних и тех же образов для кодировки совершенно разных значений. Поэтому мы полагаем, что интерпретация рисунков молодежи и взрослых требует более глубокой проработки и сопоставления их с вербальными ответами на конкретные вопросы, которые могли бы пояснить особенности восприятия мира и поведенческих реакций респондентов. И, по всей вероятности, имеющийся набор интерпретаций компонентов рисунков по проективным тестам для детей и подростков может дать не совсем адекватное понимание того, что нарисовали молодежь и более зрелые люди.

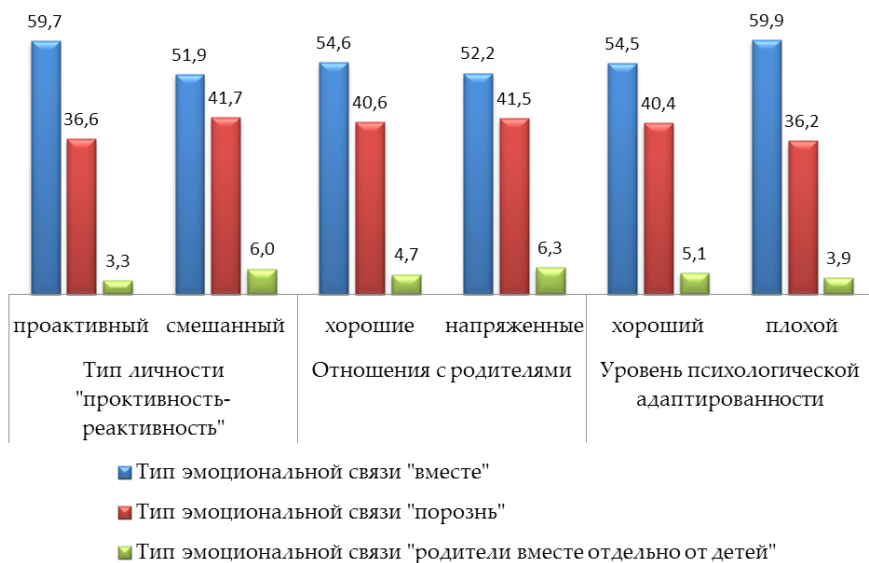
На основании сопоставления рисунков трубы с дымом или без него по четырем параметрам: изображению тесных эмоциональных отношений, оценке отношений с родителями, уровню психологической адаптированности и типу «проактивность–реактивность», можно предположить, что наличие дыма, скорее, свидетельствует о склонности респондентов к активной деятельности и, возможно, некоторой требовательности к уровню эмоциональных отношений в семье на фоне их идеализации. Поэтому и возникает противоречие в интерпретации нарисованного. С одной стороны, человек явно готов к активности и стремится чего-то достигнуть, с другой – его поведение не всегда положительно воспринимают окружающие, что отражается на позитивности оценки респондента отношений с родителями и, вероятно, приводит к снижению уровня психологической адаптированности.

Такое же противоречие между желаемым и реальным можно увидеть и при сопоставлении изображения респондентами в рисунке семьи тесной эмоциональной связи между ее членами (ил. 2).

Независимо от характеристик респондента, уровня его адаптированности большая часть респондентов предпочитает в рисунке изображать семью с тесными эмоциональными связями. Очень редко подчеркивается эмоциональная связь родителей без контакта с детьми, и даже среди тех респондентов, кто охарактеризовали отношения с родителями как напряженные, 52,2% изобразили семью с тесной эмоциональной связью.

Полагаем, что достаточно большая доля плохо адаптированных среди тех, кто также изобразил в рисунке семью с тесными эмоциональными связями, может свидетельствовать о желаемом ощущении душевной близости, защищенности, которой в реальной жизни им не хватает. Необходимо уточнить, что в рамках массовых опросов отследить, какой именно рисунок в результате респондент

создает: воображаемой идеальной семьи или реальных отношений, достаточно сложно. Поэтому различение образа реальной семьи и рисунка насыщенного клише, неосознанно воспроизводимых респондентами, представляет определенные сложности. Хотя, полагаем, что и при индивидуальной работе отразексировать, какой тип рисунка клиентом создается, без параллельного опроса и уточнения может быть затруднительно.

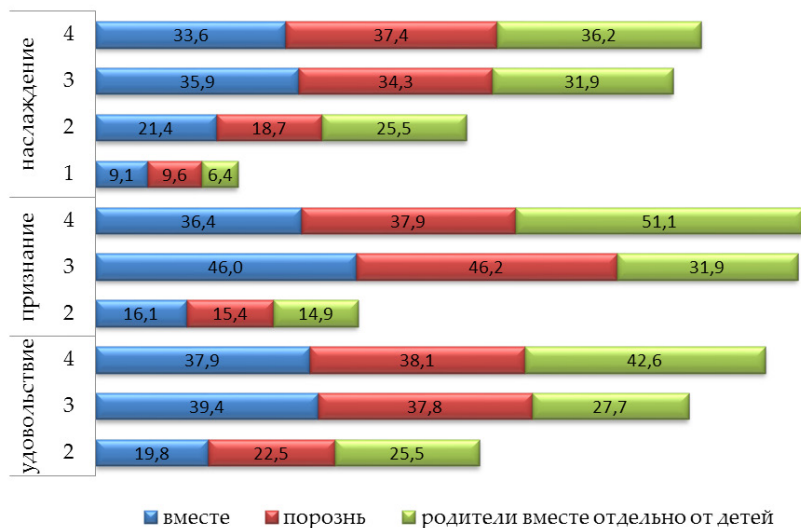

Ил. 2. Сопоставление рисунков с разным типом изображения эмоциональной связи в семье по группам характеристик респондентов, %

Но все-таки, несмотря на процедурные проблемы, некоторые связи проследить удалось, сопоставив изображения с индивидуально-типологическими характеристиками респондентов. В рамках исследования были применены опросник Л. Н. Собчик и методика Ш. Шварца для оценки ценностных ориентаций. На рисунках ниже представлены интервальные распределения, где 1 – слабо выражен или не значим, а 4 – наиболее значим или сильно выражен.

Например, респонденты, изобразившие «родители-центричный» тип эмоциональной связи в семье, стремление получать от жизни удовольствие в большей степени склонны оценивать как наиболее значимое для них (42,6%). Именно эта группа респондентов также высоко оценивает значимость «признания» (51,1%) (ил. 3). То есть, возможно, в процессе взросления им по причине

некоторого ощущения эмоциональной отстраненности родителей не хватало признания и получения чувства удовлетворения их потребности в удовольствиях. Отметим, что данный вывод касается лишь личных переживаний респондентов, а не того, как реально выстраивалось взаимодействие в семье.

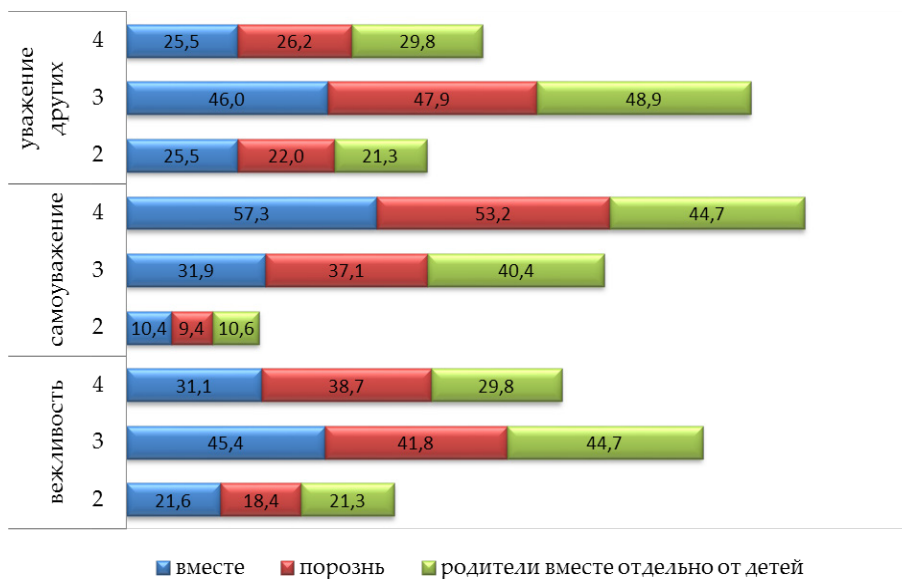
Ил. 3. Сопоставление рисунков с разным типом изображения эмоциональной связи в семье с иерархией ценностей респондентов, %

В отношении характеристик «удовольствие», «наслаждение», «признание» респонденты, нарисовавшие членов семьи порознь или вместе, не особенно отличаются. Можно отметить небольшое смещение в сторону доминирования меньшей потребности в признании у тех, кто нарисовал тесную эмоциональную связь. Возможно, это объясняется достаточным уровнем удовлетворения данной потребности со стороны родителей в детстве.

Интерес представлял также вопрос, существуют ли различия между респондентами из разных по типу эмоциональной связи семей к проявлению уважения в отношении других, самоуважению и вежливости как принципу взаимодействия. Результаты сопоставления показали, что потомки семей с «родители-центричными» отношениями ставят на более высокие места «уважение к другим», и в то же время «самоуважение» и «вежливость» для них значимы, но не доминируют как ценности (ил. 4).

Для большой доли респондентов из семей с близкими и дальним типом эмоциональной связи ценность «самоуважения» очень

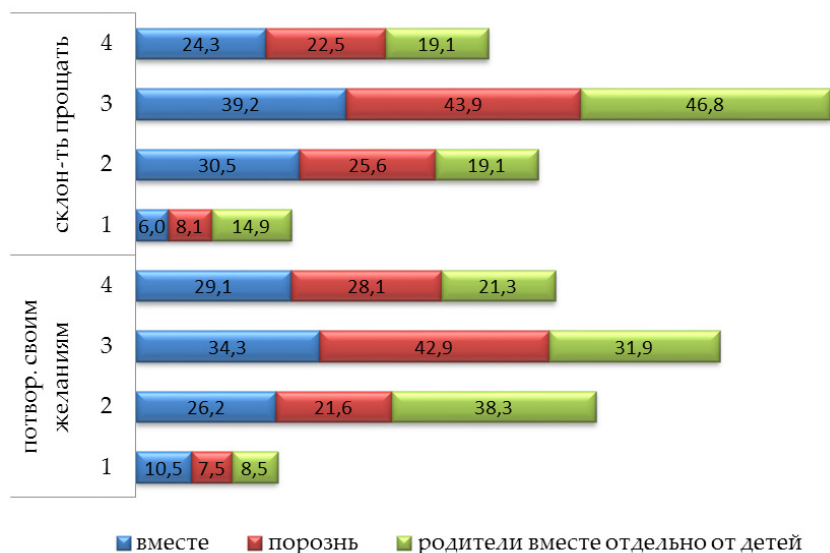
значима (57,3 и 53,2% соответственно). Возможно, на распределение результатов оказывает влияние возраст респондентов, поскольку для пятой части опрошенных «уважение других», как и «вежливость», является не очень значимыми по сравнению с другими принципами взаимодействия.

Ил. 4. Сопоставление рисунков с разным типом изображения эмоциональной связи в семье с установками респондентов, %

Выявленные взаимосвязи в части обоснования причин могут быть рассмотрены с разных сторон. Например, мы можем предположить, что условия формирования в родительской семье привели к определенным особенностям в характере, установках и ценностной иерархии. Но можем также предположить, что именно последнее определило специфику восприятия уже взрослыми детьми отношений с родителями. В этой связи для нас интерес представило и то, как разный тип эмоциональной связи в семье мог повлиять на дальнейшее формирование установок во взаимодействии или его субъективное восприятие респондентом (ил. 5).

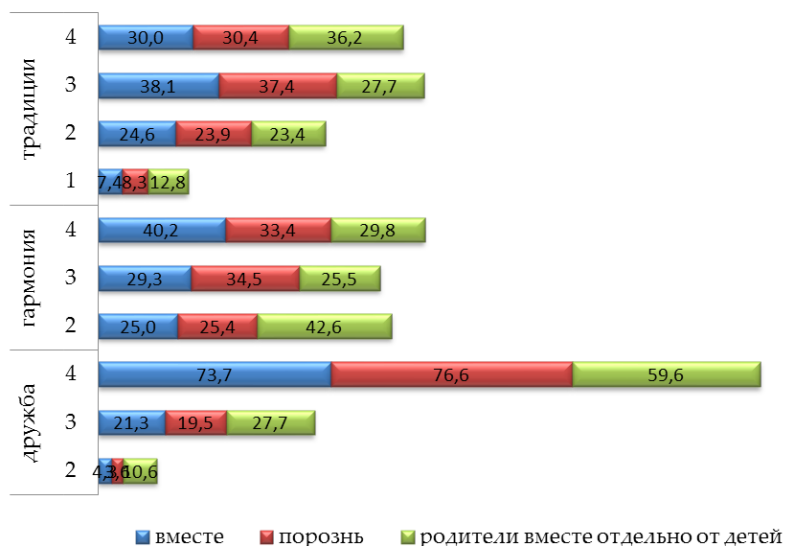
Нам удалось выявить, что среди потомков семей с «родители-центричными» отношениями больше тех, кто склонен прощать (46,8%). К такой же модели поведения склонны 43,9% тех, кто рос в семьях с дальним типом эмоциональной связи. Но последние в отличие от предыдущего типа оказались более склонны потворствовать своим желаниям (42,9%).

Ил. 5. Сопоставление рисунков с разным типом изображения эмоциональной связи в семье с поведенческими ценностями респондентов, %

Менее всего оказались готовы прощать потомки семей с близкими эмоциональными отношениями (30,5%). Возможно, ценность взаимопонимания, привитая в детстве, способствует некоторой идеализации взаимоотношений с людьми. И когда дети, вырастая, попадают в другие отношения, им непонятно, что могут быть разные поведенческие модели, отличающие ценностные иерархии, в которых теплота человеческих отношений стоит не на первом месте. Данное предположение подтверждает и распределение ответов о большой значимости для данного типа «гармонии» (40,2%) и «дружбы» (73,7%) (ил. 6).

Еще бо́льшая доля потомков семей с эмоционально холодными отношениями (76%) указала на высокую значимость для них ценности «дружбы», чего нельзя отметить относительно потомков третьего типа семей с изолированными родительско-детскими отношениями. Среди них 10,6% отметили дружбу как не очень значимую ценность, и 42,6% так же оценили ценность гармонии в жизни. В то же время для достаточно большого количества из них важны традиции (36,2%). Поэтому можно предположить, что такой тип эмоциональной близости более характерен для семей, где существуют иерархизированные отношения, и «родители-центричный» тип отношений в какой-то мере является современным образом традиционной «патриархальной» семьи.

Ил. 6. Сопоставление рисунков с разным типом изображения эмоциональной связи в семье с мировоззренческими установками респондентов, %

Подтверждением данного вывода служит и достаточно большая доля у этого типа ценящих иерархию в обществе (61,7%), в отличие от потомков семей с эмоционально близкими отношениями (44,6%) и эмоционально холодными отношениями (42,2%).

Выводы

Таким образом, представленный анализ проблем и возможностей интерпретации рисунков семьи, выполненных молодежью, показал, что, несмотря на то что визуализация семьи в части работ, скорее, является отражением усвоенных стереотипов, тем не менее даже данный факт не уменьшил возможностей проявления субъективного отношения респондентов к воссоздаваемому образу.

Получение большого массива рисунков, собранного для анализа в одно и то же время в одном и том же регионе, учитывает требования к сбору материала, обладающего общностью для проведения сопоставления, что особенно важно в поликультурной среде.

Сопоставление рисунков репрезентаций семьи, выполненных потомками многодетных семей и тех, где воспитывались 1–2 ребенка, не показал существенных отличий в восприятии молодежи.

жью образа семьи. Также не было выявлено корреляции между количеством детей в изображениях и реальных семьях респондентов.

Семантический анализ наиболее часто используемых в диагностике компонентов изображения семьи позволил заключить, что в рисунках повзрослевших детей более информативными являются элементы, отражающие эмоциональный контакт в семье между ее членами. Выявленные взаимосвязи между особенностями изображения и ответами респондентов на тесты и вопросы легли в основу составления группировок. По результатам исследования было выделено три группы: с близким, дальним, избирательным типом эмоциональной связи. Из последней группы более детально рассмотрены респонденты, изобразившие семью с «родители-центричным» типом отношений. Особенности их ценностной иерархии позволили сделать вывод о том, что они ближе по типу к современному воплощению традиционной патриархальной семьи.

В целом можно заключить, что проведенное исследование дало основание для обоснования эвристического потенциала как визуализации семьи при проведении социокультурных исследований, так и соединения проективного метода с психологическими и социологическими методами для выявления связи установок, ценностных ориентаций и поведенческих принципов с отношениями, выстроенными в родительской семье.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамова 2020 – Абрамова М. А. Визуальная репрезентация образа «Счастье» как способ исследования социокультурного архетипа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). С. 51–77. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.04
- Абрамова 2016 – Абрамова М. А. Проективные методы в социологии // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Владивосток: Дальневост. фед. ун-т, 2016. С. 520–522.
- Абрамова, Гончарова, Костюк 2011 – Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск: Нонпарель, 2011.

- Абрамова, Гончарова, Костюк 2014 – Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск: Автограф, 2014.
- Абрамова, Лбова, Сандакова 2020 – Абрамова М. А., Лбова Е. М., Сандакова Л. Б. Лингвокультурная специфика социокультурной среды: подходы к исследованию феномена и проявлений его влияния / отв. ред. В. Г. Костюк. Новосибирск: Манускрипт, 2020.
- Бор 1971 – Бор Н. Избранные научные труды. М.: Наука, 1971. Т. 2: Статьи 1926–1961 гг.
- Выготский 2024 – Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: АСТ, 2024.
- Графические тесты 2007 – Графические тесты: хрестоматия для студентов-психологов. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. И. А. Агеева. Бишкек: КРСУ, 2007. Ч. 2.
- Забокрицкая и др. 2020 – Забокрицкая Л. Д., Хлебников Н. А., Орешкина Т. А., Комоцкий Е. И. Возможности изучения ценностей молодежи через профиль социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2 (156). С. 148–167. doi: 10.14515/monitoring.2020.2.692
- Калабихина и др. 2023 – Калабихина И. Е., Казбекова З. Г., Банин Е. П., Клименко Г. А. Демографические ценности и социально-демографический портрет пользователей ВКонтакте: есть ли связь? // Вестник Московского университета. 2023. Сер. 6. Экономика. № 58 (3). С. 157–180. doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-8
- Карандашев 2004 – Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.
- Ливенцова 2024 – Ливенцова Е. Ю., Кашипур В. В., Дунбинский И. А., Гойко В. Л., Александрова Ю. К. Тематический репертуар современных исследований ценностей, основанных на методах вычислительных социальных наук (CSS) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 59–69. doi: 10.17223/15617793/498/7
- Лотман 2000 – Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2000.
- Лотман 1992 – Лотман Ю. М. Феномен культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 34–45.
- Мельникова, Нестерова 2023 – Мельникова О. Т., Нестерова Е. М. Сравнительный анализ дизайнов смешанных методов в контексте социально-психологических исследований // Теоретическая

- и экспериментальная психология. 2023. № 2 (16). С. 107–126. doi: 10.11621/ТЕР-23-15
- Пилюшенко 2024 – Пилюшенко А. В. «Dasein» или «поток переживаний»: онтологические основания человека через призму феноменологического и психоаналитического подходов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 130–136. doi: 10.17223/15617793/500/14
- Романова, Потемкина 1991 – Романова Е. С, Потемкина О. Ф. Графические методы в психологической диагностике. М.: Дидакт, 1991.
- Сандакова 2019 – Сандакова Л. Б. Принцип дополнительности в исследовании связи языка, мировоззрения и картины мира // Сибирский философский журнал. 2019. № 3. С. 66–82. doi: 10.25205/2541-7517-2019-17-3-66-82
- Собчик 2003 – Собчик Л. Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений: практическое руководство. СПб.: Речь, 2003.
- Сорокин 2000 – Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Изд-во Рус. христ. гуманитар. ин-та, 2000.
- Франк 2000 – Франк Л. К. Проективные методы изучения личности // Проективная психология. – М.: Апрель Пресс: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 69–85. (Мир психологии).
- Энциклопедия 1997 – Энциклопедия психологических тестов: мотивационные, интеллектуальные, межличностные аспекты. М.: АСТ, 1997. (Практическая психология для всех).
- Schwartz 1992 – Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. doi: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6
- Schwartz, Sagiv 1995 – Schwartz S. H., Sagiv L. Identifying culture specifics in the content and structure of values // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1995. Vol. 26 (1): P. 92–116. doi: 10.1177/0022022195261007

REFERENCES

- Abramova, M. A. (2016). Projective methods in sociology. In *Problemy modelirovaniya sotsial'nykh protsessov: Rossiya i strany ATR* [Problems of modeling social processes: Russia and the Asia-Pacific countries]. Proceedings of the II All-Russian Conference with International Participation (pp. 520–522). FEFU. (In Russian).

- Abramova, M. A. (2020). Visual representation of the image of "happiness" as a way to study the socio-cultural archetype. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 1(155), 51–77. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.04>
- Abramova, M. A., Goncharova, G. S., & Kostyuk, V. G. (2011). *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya molodezhi Severa k usloviyam sovremennykh transformatsiy* [Sociocultural adaptation of the youth of the North to the conditions of modern transformations]. Nonparel'.
- Abramova, M. A., Goncharova, G. S., & Kostyuk, V. G. (2014). *Sotsiokul'turnye tipy molodezhi: etnicheskii i regional'nyy aspekty* [Sociocultural types of youth: ethnic and regional aspects]. Avtograf.
- Abramova, M. A., Lbova, E. M., & Sandakova, L. B. (2020). *Lingvokul'turnaya spetsifika sotsiokul'turnoy sredy: podkhody k issledovaniyu fenomena i proyavleniy ego vliyaniya* [Linguocultural specificity of the sociocultural environment: approaches to the study of the phenomenon and manifestations of its influence]. Manuscript.
- Ageeva, I. A. (2007). *Graficheskie testy: khrestomatiya dlya studentov-psikhologov* [Graphic tests: Reader for psychology students] (part 2). 2nd edition. KRSU.
- Bohr, N. (1971). *Selected scientific works* (vol. 2). Nauka. (In Russian).
- Frank, L. K. (2000). Projective methods for the study of personality. In L. Abt, & L. Bellak (Eds.), *Projective psychology* (pp. 69–85). Aprel' Press; EKSMO-Press. (In Russian).
- Kalabikhina, I. E., Kazbekova, Z. G., Banin, E. P., & Klimenko, G. A. (2023). Demographic values and socio-demographic profile of the VKontakte users: is there a connection? *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 58(3), 157–180. (In Russian). <https://doi.org/10.55959/MSU01300105-6-58-3-8>
- Karandashev, V. N. (2004). *Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostey lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo* [Schwartz's method for studying personal values: concept and methodological guide]. Rech'.
- Karelin, A. (Ed.) (1997). *Entsiklopediya psikhologicheskikh testov: motivatsionnye, intellektual'nye, mezhlichnostnye aspekty* [Encyclopedia of psychological tests: motivational, intellectual, interpersonal aspects: Practical psychology for everyone]. AST.
- Liventsova, E. Yu., Kashpur, V. V., Dunbinsky, I. A., Goiko V. L., & Aleksandrova, Yu. K. (2024). Thematic repertoire of contemporary

- value studies based on computational social science methods. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 498, 59–69. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/498/7>
- Lotman, Yu. M. (1992). The phenomenon of culture. In *Izbrannyye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: In 3 volumes] (vol. 1, pp. 44–45). Aleksandra. (In Russian).
- Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosphere*. Iskustvo-SPb. (In Russian).
- Melnikova, O. T., & Nesterova, E. M. (2023). Comparative analysis of mixed methods designs in the context of socio-psychological research. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*, 2(16), 107–126. (In Russian). <https://doi.org/10.11621/TEP-23-15>
- Pilyushenko, A. V. (2024). “Dasein” or “stream of experiences”: Ontological foundations of a human through the prism of phenomenological and psychoanalytic approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 500, 130–136. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/500/14>
- Romanova, E. S., & Potemkina, O. F. (1991). *Graficheskie metody v psikhologicheskoy diagnostike* [Graphic methods in psychological diagnostics]. Didakt.
- Sandakova, L. B. (2019). The principle of complementarity in the study of the connection between language, worldview, and picture of the world. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*, 3, 66–82. (In Russian). <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2019-17-3-66-82>
- Schwartz S. H., & Sagiv L. (1995). Identifying culture specifics in the content and structure of values. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 26(1), 92–116. <https://doi.org/10.1177/0022022195261007>
- Schwartz, S. H. (1992). Universal in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 Countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 25, 1–65. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)
- Sobchik, L. N. (2003). *Diagnostika individual'no-tipologicheskikh svoystv i mezhluchnostnykh otnosheniy: prakticheskoe rukovodstvo* [Diagnostics of individual-typological properties and interpersonal relationships. Practical guide]. Rech'.
- Sorokin, P. A. (2000). *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika: issledovaniya izmeneniy v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnosheniy* [Social and cultural dynamics. Research of changes in large systems of art, truth, ethics, law, and public relations]. Russian Christian Humanitarian Institute.
- Vygotsky L. S. (2024). *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. AST.

Zabokritskaya, L. D., Khlebnikov, N. A., Oreshkina, T. A., & Komotsky E. I. (2020). Possibilities to study youth values through VKontakte social network accounts. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, 2, 148–167. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.692>

Материал поступил в редакцию 23.08.2024

Материал поступил в редакцию 16.10.2024